

особенного? Где-то нужно там же похвалить.
Ке пойдешь же он к тебе или ко мне, — тут взло-
мствованно говорил Мамко.

— Я думаю, что ты боишься других зна-
щих, так-как бы представляешь вроде бы ты
подражаешь чьим словам.

— Ты Тимофей, всеку мать! твои
слухам веришь? Рядился Богом, ничего не знаю
и этим слухам не верю и ты не веро!

— О каких это слухам бы спорить ка-
жиаете? — спросил Иван Степанович.

— А ты разве не знаешь?

— Нет, ничего не знаю и не слышал.

— В кароде ходят слухи, — начал пояснять
Тимофей Гаврилович, — будто бы этот самый
архиерей Вартава, ночевал у отца Григория,
капони его своим вином, отец Григорий уснул
и проснулся до утра, а архиерей в это время
занялся покаяней, ну, а дальше покаянно
без слов. Но многие этим слухам не ве-
рят и говорят: Как же, мол, так — архи-
ерей — пресвященник владыко, за здравие
которого молятся карод и во всех церквях
тобольской губернии, поют в одной молитве
с царем. Ставят его в один ряд со всеми
святыми угодниками и вдруг мог допу-
стить такое. А вот другие утверждают,
что это правда.

— Вот оказывается в чем дело-то.

Только, что до этого места дошло. Конечно никто не поверит. Я вот первой не поверю и другие скажут, что бы не верили. Водушки это, один болтун, а другие подхватили и пошло, — заключил Иван Степанович, не одобряя, только посмотрев на Тимофея Гавриловича.

— Я тоже так думал, однако какие люди, которые рассказывают об этом до мельчайших подробностей, — твердо сказал Тимофей Гаврилович, как бы ставя на этом точку.

— Видно старики, Бог с ними. Было или не было это, какие дела молчат. Сегодня вот добрые — то люди с иконами ходят, — сказал Исаак Васильевич, стараясь с подоло рубани ленивой скорлупки.

Как жаль, что наши потемнели старики не дожили до наших дней. Петерб уже большеинство читателей знают из повести писателя Аркадия Васильева «Вот такая партия», где на страницах — 447-454 третьей книги, дано полное и правдивое описание об этом просвещенном владимиро-происеломе Варкавие, который был и учеником друзей Тришки Распутана. Ездил из Подольско в Петербург в Царский дворец и крутил с княгиней Вещубовой. Оттуда вместе с Распутаным ездил в публичное заведение,

где их епоцелуили встретили девицы в одних
ночных сорочках и наперебой тащили к себе.
Тришка никак не называл Варкаву, кроме, как
«Судник» — «Дей, так Судник! Проси свою Вер-
ную, переодевайся, едем в заведение, там
по твоему» — говорил Тришка Распутин прео-
свещенному владице.

С незапамятных времен вошло в тра-
дицию ходить в пасху с иконами по домам.
И вот с первого дня ~~дня~~ пасхи ездят епископы
жители: поп, дячок, облачившись в лучшие
находящиеся рубы, поименно с иконами — воспевая
«Христос воскрес..» Заходя в каждую дом
сказали: «у кого десяти, у кого пяти, а у кого и двух
минутной молитвы, посмотря по карману хозяина.

В большинстве своем иконы носили старушки,
пожилые женщины и старые деви. Боснии и
молодые парни и девчата, родители кото-
рых были строго религиозными, принуждали
своих детей исполнить пасхальный обряд, тогда
их увидит господь-бог и вознаградит земным
счастьем.

С именем «Христос воскрес,» иконы зани-
сли в дом Бородавкина Степана Петровича,
(по прозвищу Ковосел) который у самого по-
рога своей избу лежал пьяной и мертве-
цки спал, что пошу с дячком и всем, тем,
кто кел иконки, пришлось переждать

через хозяйку и пройти в комнату.

На столе, вместо лукашка с пивенницей, стояли недопитые бутылки с вином.

Отказав французский молодец, Искон понесли дальше воспевая и Христос восторжесей.

Брасенко, смущивший при церкви тамошником трапеэдиата, ходил всегда за иконами, прощаясь с ними и ладан, не выпуская из рта свою заветную трубку.

И вот он маршировал на хозяйку Степана Новосела:

~~Искон~~ — Уж и ты! Не могло его отказать от пороги-то! Или обратил бутылка со стола!

— Я сама-то ломала стала. Даже не подумала, что сегодня до нас придут, тогда завтрак. Даже лукашка с пивенницей не поставила на стол. Откалала мажи ищенишка не священной, в гонимейстак-то ведь сеять минут, как теперь её примет мате-сера Зеня? Ох, согрешила я грешная. А всё из-за этого крота проклятого, капризая до Зенюхой..!

— Обонди, обонди! Не ругайся, грех ругаться в насю. Ты.., вот, что.., это самое, какайт-ка стакашек, — облизываясь сказал Брасенко из спуска глаз с недопитой бутылки вина, стоявшей на столе.

— Тут рюмки, тут стаканы, кашивай до пий!

Врасёно кашив тайный стакан водки и залпом опрокинула до дна. Прыгнула, востер уло кулаком и потанцевала за второй бутылкой.

— Хватит тебе! Е ула сошёл! Второй стакан!

— Я непомощно, непомощно, так, половину стаканчика, даме меньше. Неругайся, грек ругается внасеу.

— А вылиш дурате мя грек?

— Ису., Ису., Хри., Хри., Хри-то-с еои пил ма этой., как её., жадон туде её!

— На тайной беке, это ли тебе скажут?

— Э-во-от, вот, на, на ей самой.

Мсфу ти черт возьми с тобой разговорили, кашив тайный стакан. Ну, ладно, ну, так. Будем здорово.

После второго вопитного стакана язык у Врасёно еще больше стал заветаться. Глаза повеселели, как у коросенка. Переступая с ноги на ногу, он пошел к востоду. Застыла за ендисей Новосам, унал, рассинал свет. Хозяйка ругалась на тем свет стоит. Ока собрала свет в Кордуну, поставила её к пекке на приотупок, а Врасёно в исею востопнула за зверь.

Врасёно потоял, потоял. Показался

из стороны в сторону, опомнившись, какая
стыжась в дщере и крикати:

— Отдай мою корзину со свечами! Сними?
отдай!

— Да, возьми! Какая стной тратушки,
кабязася ка мою шель!

Брасёно взял корзину, поставил её
на Землю, а сам сел на бревно, лежащее у забора
и больше не встал. Так и ушёл на край сплотив
голову вниз.

В корзине подделала большая рыжая
собака. Понюхав, покрутила хвостом. Сунула
морду в корзину, касало творотливой пи-
роток, подаренной кем-то Брасёну,
сглотила его на жеванье и снова начала
рыться в корзине. Оттолкнула её, свечи
раскапались, а лапам горючий раскатился
по Земле. Собака отскочила от корзины,
посмотрела на свечку Брасёно и ма-
хнула через забор.

Местные с иконами и пенки «Христос
востресе» продолжались из дома в дом.
По улице с лихими песнями гоняли на тройке
лошадей пьяные мужики. На какалах про-
должались веселье. Поднима похитившие та-
роты и ушли на драгу. Девки с визгом разбе-
жались во все стороны. За рекой голосисто
играла гармонь. Во лютых домах собирались